

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102

ТВОРЧЕСТВО РОМАНА КИМА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Екатерина Александровна Ключикова

старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nese91@gmail.com

SPIN-код: 4331-0254

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0650-9126>

ResearcherID: C-4818-2019

Елена Михайловна Четина

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. chetina@mail.ru

SPIN-код: 5514-0650

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

ResearcherID: C-5309-2019

*Статья поступила в редакцию 19.01.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Ключикова Е. А., Четина Е. М. Творчество Романа Кима: этнокультурные реалии в советской беллетристике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 95–102. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102

Please cite this article in English as:

Kliuikova E. A., Chetina E. M. Tvorchestvo Romana Kima: etnokul'turnye realii v sovetskoy belletristike [Works by Roman Kim: Ethnocultural Realities in Soviet Fiction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 95–102. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102 (In Russ.)

Исследование посвящено творчеству советского писателя и востоковеда Романа Николаевича Кима (1899–1967), который известен широкому читателю прежде всего как автор шпионских романов. Русскоязычный потомок корейских эмигрантов повествует в своих произведениях о противостоянии разведок на территориях, которые являются культурным пограничьем (Корейский полуостров, Гонконг, Южная Африка). Творчество Р. Н. Кима тесно связано с его биографией. Блестящий знаток японского языка и литературы, Ким является автором глосс к книге Б. Пильняка «Корни японского солнца», а также впервые анализирует японскую литературу начала XX в. в памфлете «Три дома напротив соседних два» (1934). Причиной критического отношения Кима к «эгобеллетристике» стала позиция японских мэтров и их учеников, которые обходили молчанием крупные исторически значимые события и не затрагивали социальную проблематику. Для творчества самого Кима гражданская позиция героев является значимой.

В статье прослеживается творческий путь писателя и рассматриваются формы проявления национальной идентичности в его прозе. Произведения Кима 1950–1960-х гг. отличаются занимательностью сюжета, четкостью фабульных конструкций. Композиция текстов Кима, как правило, построена на идеологических антитезах: СССР и США, Северная Корея и Южная Корея, Япония и коммунистический Китай и др. Автор создает образы Кореи и корейцев посредством исторических ретроспекций и косвенных деталей. В произведениях Кима подчеркивается этнокультурная детерминированность поведения ряда героев. Рационалистическое начало во многом определяет специфику

его творчества, в том числе беллетристическую одномерность персонажей. Одной из форм отражения гибридной идентичности корейской диаспоры является специфический образ героя-разведчика, действующего в условиях политического и культурного пограничья.

Ключевые слова: Роман Ким; советская литература; шпионский роман; японская культура; этнокультурная специфика; образы Кореи.

Роман Ким – популярный советский беллетрист, автор остросюжетных повестей и романов, является одним из востребованных авторов и в наши дни. Критики отмечают, что Ким стал «одним из первых литераторов своего времени, оценивших вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям» [Ким Е. 2016: 82]. Биография писателя во многом предопределила специфику его художественного творчества.

Повести и романы Кима практически не исследованы в русскоязычном литературоведении. Единственное зарубежное исследование о творчестве писателя принадлежит южнокорейскому литературоведу Ким Хонджуну. Он рассматривает жанровые особенности произведений Р. Кима, отмечает модернистские традиции в творчестве писателя. Ким Хонджун оценивает также творческий путь Романа Кима как «нисходящий» – писатель начинал в «большой» литературе как переводчик, комментатор, эксперт в области зарубежной литературы, однако известным стал благодаря жанровым произведениям, в которых «Роман Ким пытался найти позицию между массовой литературой и искусством» [김홍중 2015: 159].

В 2016 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла конференция, посвященная деятельности Романа Кима, участниками которой стали историки и литературоведы из России, Кореи, Японии и США. Доклады были посвящены как художественному творчеству Р. Кима, так и его исследованиям в сфере востоковедения. В том же году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла первая биография писателя. Ее автор, историк А. Е. Куланов, указывает на большое количество мифов, окружающих происхождение и биографию Р. Н. Кима: «По большому счету мы не знаем предыстории его жизни, не ведаем доподлинно причин, событий и тех связей между ними, что ввергли корейского мальчика в пучину противостояния трех стран, которым в своем не самом счастливом детстве он принадлежал в равной мере: Кореи, Японии и России» [Куланов 2016: 13]. Биограф впервые открывает широкому читателю неизвестные факты биографии не только Р. Кима, но и других советских востоко-

ведов, причастных к историческим событиям в дальневосточном регионе. Известно, что Р. Ким родился в 1899 г. во Владивостоке в семье купца-эмигранта из Северной Кореи. По одной из версий, описываемых в биографии, семья его матери принадлежала к роду корейской королевы Мин, жестоко убитой японскими наемниками в 1895 г. Его отец, Николай Ким (корейское имя – Ким Бён Хак), согласно некоторым источникам, был одним из активных участников антияпонской коалиции во Владивостоке во время японской оккупации Кореи. А. Е. Куланов, ссылаясь на корейского исследователя Ким Хонджуна, указывает, что «Ким Бён Хак был одним из объектов наиболее пристального интереса японской разведки, в том числе работавшей с позиций тайных обществ» [там же].

В 7 лет Роман Ким был отправлен учиться в Японию, где получил престижное образование, но в 1919 г. вернулся в Россию и поступил на восточный факультет Государственного дальневосточного университета. В 1923 г. Ким поступает на службу в разведку. В 1937 г. он был арестован и осужден к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере, однако в декабре 1945 г. был освобожден, а в 1946 г. получил медаль «За победу над Японией». В феврале 1959 г. Р. Ким был реабилитирован.

Литературная карьера Романа Кима началась в 1920-е гг., когда он перевел несколько рассказов Акутагавы Рюноскэ. В 1927 г. Роман Ким подготовил глоссы под названием «Ноги к змее» для книги Бориса Пильняка «Корни японского солнца» (1927). В начале этих комментариев Ким предупреждает о том, что он не стремится к объективности, поскольку «корейцу, так же, как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах-покорителях» [Ким 1927: 131]. Кроме того, он датирует глоссы, посвященные Японии, «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры» [там же], т. е. шестнадцатым годом оккупации Кореи. Этот жест достаточно четко манифестирует отношение автора-корейца к японскому государству, однако последующий текст показывает, что политическая антипатия не распространяется на японскую культуру, которую Ким с интересом комментирует.

В 1934 г. выходит его памфлет касательно японской литературы конца XIX – начала XX в. «Три дома напротив соседних два». В нем автор

критически изображает японское литературное сообщество, представив обзор творчества ряда популярных авторов. Свою критику Роман Ким, как правило, направляет именно на общественные процессы, которые предопределяли содержание японской литературы начала XX в. Ким иронично описывает институт «мэтров» литературы, которые на фоне стремительно развивающейся Японии рубежа веков задавали тон литературе, замкнувшейся на создании бессюжетных автопсихологических текстов: *«мэтры повторили токугавский бойкот окружающего мира, наложили табу на все вокруг»* [Ким 1934: 32]. Название книги Ким взял из определения, которое один из профессоров филологии Такаяма Тьюго дал литературе мэтров – *«трехдомовнапротивсоседнихдвухная литература»* [там же], т. е. литература, ограниченная одним кварталом как территориально, так и по проблематике. Автор выделяет период 1910-х гг., в которые в большом количестве публиковалась так называемая «эгобеллетристика». Это течение японской литературы было связано в первую очередь с авторской рефлексией писателей, описанием своей жизни, вплоть до изображения собственного творческого бессилия: *«...выпустив несколько сборников новелл, Кассаи заметил, что больше писать не о чем. О том, как он пьет сакэ – уже написал; о ссорах с женой и ее родителями – тоже, о писателях, живущих в трех домах напротив через улицу и по обеим сторонам, – тоже. Больше не о чем. Но затем Кассаи нашел выход. Он стал писать о том, как он не может писать. Он становится специалистом по описанию писательской импотенции»* [там же: 62]. Причиной критического отношения Кима к подобной литературе являлось не только ее качество, но и то, что японские мэтры и их ученики обходили молчанием крупные исторически значимые события и процессы, которые происходили в тот период в японском обществе: разрушительное землетрясение 1923 г., политические судебные процессы, японская политика в Корее: *«...ни строчки о помощи жертвам катастрофы, ни слова протеста против массовых самосудов над корейцами, которых, поймав на улице, заставляли произносить слова «сэнсэй» (преждеродившийся) и «какикукэко» (часть алфавита) и за неумение обращаться с фрикативными и смычными согласными превращали в кучу мяса. Ни одного иероглифа о смерти всех политических в камидоской тюрьме. Мэтры писали только о себе, о том, как их спасли музы-хранительницы»* [там же: 51–52]. Уже в этом памфлете Ким демонстрирует свою гражданскую позицию и отвергает литературное творчество, отвлеченное от острых социальных проблем современности.

В 1950–1960-е гг. Роман Ким стал известен преимущественно как автор политических шпионских романов. Как правило, действие его произведений происходит за пределами Советского Союза – в Гонконге и Китае («Агент особого назначения», 1959), в Африке («Школа призраков», 1959), в Японии и Корее («Тетрадь, найденная в Сунчоне», 1951), в Испании, Марокко и Великобритании («Кобра под подушкой», 1962).

Именно в этот период закладываются традиции советского шпионского романа. М. А. Черняк отмечает, что «многие писатели работали в органах госбезопасности и создавали жанр «шпионского романа» исходя из собственного опыта» [Черняк 2005: 125]. По мнению Дж. Г. Кавелти, для того чтобы формульная литература, к которой можно отнести шпионский роман, была успешной, она должна реализовывать значимые для культуры сюжет и тип персонажа: «Не будет иметь успеха приключенческий сюжет, социальный типаж которого не может быть представлен в героическом свете в контексте данной культуры» [Кавелти 1996]. Романтизированные в послевоенное время образы разведчиков, а также их принадлежность к некой иной реальности, не ограниченной государственными границами, стали основой для жанра шпионского романа. Роман Ким был одним из основоположников традиции этого жанра в советской литературе. Кроме того, он был знаком с Юлианом Семёновым и выступал консультантом при написании романа «Пароль не нужен», входящего в серию романов о разведчике Максиме Максимовиче Исаеве и повествующего о противостоянии разведок во Владивостоке 1921–1922 гг. В этот период Роман Ким жил во Владивостоке и, возможно, имел отношение к происходящему. По словам автора романа, Ким стал прототипом одного из героев романа – связного Чена: «Товарищ Исаева по борьбе, чекист Марейкис, он же Чен, списан мною во многом с замечательного человека, хорошего писателя и мужественного борца за революцию Романа Николаевича Кима» [Семёнов 1967: 18–19]. Сам Ким также обращался к периоду японской интервенции в Приморье в одном из своих ранних рассказов «Тайна ультиматума» (1933). Рассказ написан в форме дневниковой записи японского офицера, который участвует в японском перевороте 1920 г. во Владивостоке. Дневниковая форма впоследствии часто будет использоваться Кимом, в том числе и для создания образов японцев.

Первым художественным произведением, опубликованным после длительного перерыва, стала повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне» (1951). Действие повести происходит во время Корейской войны в 1950 г. В корейском городе

Сунчоне под развалинами находят зашифрованный дневник японского офицера. Содержание тетради позволяет понять, что его автор был близок к верхушке власти, а также был связан с секретными службами. Текст дневника изобилует упоминаниями о японских традициях, автор дневника неоднократно высказывает милитаристские идеи: «я одобрял вначале план Мутто “Вперед, на юг”, считая, что первейшей задачей нашей империи является покорение всего Китая и что для закрепления этой победы необходимо овладеть всеми подступами к Китаю с юга – Индо-Китаем и Малайей, подобно тому как мы уже овладели подступами к Китаю с севера – Манчжурией и подступами к Манчжурии с юго-востока – Корейским полуостровом» [Ким 2016: 226]. Кима интересует психология японского военного, который находится в центре противостояния США и Советского Союза. Герой повести, несмотря на свою преданность Японии, колеблется в моменты принятия решений, поскольку не знает, насколько надежными могут быть союзники-американцы, недавно бывшие для Японии врагами. Автор уделяет особое внимание политическим играм, в которые было втянуто японское офицерское сообщество еще до окончания Второй мировой войны.

Основные события повести происходят в Японии. Корейские главы являются своего рода обрамлением дневника; тем не менее нам представляется интересным обратиться к ним.

Текст тетради начинается с пересказа корейской легенды о принце Чанхоне, который безуспешно пытался уговорить своего отца, короля Йончона, завоевать Китай. Несчастный принц был заточен в ящик и умер от голода. Сын принца, король Чончон, построил беседку недалеко от его гробницы, чтобы иметь возможность поклониться могиле отца. Этот ритуал стал традиционным для всех последующих корейских королей: «Все короли Кореи, царствовавшие после Чончона, каждую весну приезжали в Сувон поклониться могиле предка. И все они на обратном пути поднимались в эту беседку, долго смотрели в сторону горы и отвечали поклон» [там же: 204].

Данный эпизод имеет историческую основу. В 1762 г. наследный принц Садо был казнен по приказу своего отца, короля Ёнджо. Принца заточили в коробке из-под риса, в которой он и умер через несколько дней. Сын принца Садо, король Чонджо, весь период своего правления стремился очистить память об отце и «присвоил ему посмертно самое почетное для аристократа имя-титул (сихо) Чанхон (莊獻 – «Достойный и почтительный»), повысил статус его поминального алтаря и могилы» [Симбирцева 2012: 66–67].

Крепость Хвасон в Сувоне также была построена после перенесения в этот город могилы принца Садо. Т. М. Симбирцева указывает, что крепость Хвасон считается «воплощением “сыновней почительности” в архитектуре» [там же: 67].

В тексте легенды, как она представлена в повести Р. Кима, обнаруживается ряд расхождений с данными исторических источников. Считается, что принц Садо страдал психическим расстройством: «Он стал убивать дворцовых служанок, приглашать буддийских монахинь для увеселений, тайком выходить из дворца (что было запрещено этикетом)» [там же: 414]. Основным источником сведений о принце Садо является сочинение его вдовы, дамы Хегёнгун, «Ханджуннок» («Записанное в страданиях», 1795).

В тексте тетради причиной казни принца является требование завоевания Китая, чего в реальности быть не могло – в переживающей глубокий социальный и экономический кризис Корею середины XVIII в. не могла возникнуть мысль о завоевании значительно более сильного соседа. Кроме того, ничего неизвестно об описанном ритуале поклонения могиле принца. В исторических документах упоминается только одно высочайшее посещение гробницы принца Садо в год его шестидесятилетия, в 1795 г.

Учитывая совпадающие детали (посмертный статус принца, способ казни, расположение гробницы), а также историческую точность, которой, как правило, отличаются произведения Романа Кима, все искажения в рассказе о принце Чанхоне представляются нам неслучайными. Легенда описана в повести со слов японца как преамбула к истории бедствий японского офицера. Мы можем предположить, что настоящая причина смерти принца не нашла бы сочувствия у японца-завоевателя.

На наш взгляд, в политических повестях Романа Кима обнаруживаются биографические элементы – связь с метрополией, внимание к корейской истории. В представленной легенде контрастируют дерзкое желание завоевать Китай и ситуация, в которой эту легенду вспоминают, – униженная Корея под властью Японии, на территории которой борются три империи.

А. Е. Куланов пишет, что в повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» нет ничего «особенно корейского» [Куланов 2016: 282]. Начиная с рецензии в газете «Правда» эту повесть рассматривали исключительно как иллюстрацию исторических событий вне национальной проблематики: «Даже одобрительная рецензия в «Правде» (огромный успех для начинающего автора и вчерашнего заключенного, пока даже не помышляющего о реабилитации!) в номере от 14 июля 1951 г. не нашла «корейского фундамента» для похвалы,

сосредоточившись на политической составляющей сюжета» [Куланов 2016: 282]. Однако именно то, что корейская специфика мало отражена и в других произведениях Р. Кима, представляется нам примечательным. Образ Кореи в его повестях, памфлетах и комментариях создается с помощью деталей, упоминаемых в связи с другими странами. Кореи отдельно от других государств и в целом от общемировой картины мира в произведениях писателя нет. Тем не менее практически во всех текстах она присутствует как фон для событий либо как объект для сравнения. В сюжетах, к примеру, встречаются упоминания корейских рыбаков, корейских военнопленных. Так, рассказ «Тайна ультиматума» завершается подготовкой казни японцами красных корейцев: *«Когда мы приехали в бухту Улисс, уже было светло. Каменистый берег был покрыт водорослями и медузами. На плоской скале сидели привязанные друг к другу корейцы. Было прохладно, мы развели костер около шаланды, лежащей на берегу, опорожнили фляжки с сакэ, закусили консервированной солониной – корнбифом, выкурили по сигарете и начали»* [Ким 1969: 108]. Этот короткий абзац имеет важное значение для понимания описанных в рассказе событий. Именно с казни корейцев японские войска начинают свою деятельность в подвластном им городе. В романе «По прочтении сжечь», действие которого разворачивается на Гавайских островах вокруг шпионской игры США и Японии накануне нападения на Перл-Харбор в 1941 г., и американские, и японские агенты подозревают в связи с советской разведкой женщину, имеющую корейские и японские корни. Примечательно, что ее связным считают аптекаря-корейца. Л. Болтански отмечает, что в классических европейских шпионских романах представители титульных наций «часто выступают в роли внутреннего врага» [Болтански 2019: 76]. Корейцы-эмигранты, отчужденные от оккупированной родины, также априори воспринимаются в качестве агентов врага.

Следует заметить, что образ Кореи не является целостным. В повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» Ким разделяет южных и северных корейцев по политическому признаку. Южные корейцы изображены как пособники японцев, предатели родины, «лисынмановцы», тогда как в изображении северных корейцев появляются черты героизма, самоотверженности: *«Лучший способ преодолеть препятствие – это преодолеть препятствие»* [Ким 2016: 203]. В беллетристике Кима гражданская идентичность оказывается важнее национальной.

В повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» Корея оказывается полем сражения между Со-

ветским Союзом и США. В дневнике японского офицера показано, что японские военные круги воспринимают Америку как будущего полноправного союзника в борьбе против России (*«Америка хочет как можно скорее кончить войну на Тихом океане, чтобы начать другую войну. Значит, можно принудить Америку заключить с нами компромиссный мир, оставляющий за империей господствующее положение в Азии»*) [Ким 2016: 218–219]. Однако развитие политизированного сюжета и некоторые детали повествования указывают на смену господствующей империи. Одним из эпизодов, демонстрирующих неравное положение Японии и США, является эпизод встречи японских военачальников с «Маком», генералом Макартуром. Встреча носит характер аудиенции, где хозяином выступает Мак, несмотря на то, что действие происходит в Японии: *«Мак решил удостоить нас приемом в знак того, что удовлетворен нашей работой»* [там же: 327].

Военные действия в Пхеньяне описываются глазами японца, Ким показывает преэминентность в поведении господствующей империи на покоренной территории: *«В городе уже третий день подряд проводятся очистительные операции, жителей сгоняют на берег Тэдонгана и уничтожают с воздуха. По улицам водят привязанных друг к другу девушек, предназначенных для американского офицерского клуба. Все это я уже видел когда-то. Точно так же я стоял некогда на набережной в Нанкине после его взятия. Наши солдаты точно так же сгоняли жителей к реке и расстреливали их и так же водили по улицам связанных китайянок»* [там же: 354].

На наш взгляд, важным является тот факт, что действие повестей Кима происходит на пограничных колониальных территориях: Южная Африка, Гонконг, Корея во время Корейской войны, тихоокеанские острова во время американо-японского конфликта. Как правило, описываемое пространство – это спорные территории, места пересечения культур, где возможны встречи людей многих национальностей. Эта особенность, наряду со спецификой деятельности героев прозы Кима, также подтверждает поликультурные установки автора.

В середине XX в. формируется литература т. н. «корё сарам», т. е. корейцев, эмигрировавших на территорию Российской империи во второй половине XIX в. «Корё сарам» жили на территории Приморского края, Сахалина, Средней Азии, образуя достаточно большие диаспоры. По настоящее время корейские диаспоры существуют в разных регионах России, а также в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане. Примечательно, что именно диаспоры в среднеазиатских

государствах обладают высокой степенью культурного самосознания. На территории этих стран публикуется большое количество исследовательской и научно-популярной литературы о культуре корейцев, живущих вдали от метрополии. Г. Н. Ким отмечает, что «в Центральной Азии постепенно складывается традиция изучения литературы “коре сарам”» [Ким 2013: 449]. Г. Н. Ли не только определяет национальную идентичность современных потомков корейских эмигрантов, но и формирует культурный минимум, необходимый для того, чтобы не забывать о своих корейских корнях: «не обязательно помнить исторические даты, но надо знать, кто такие Тангун, король Сечжон Великий (при правлении Сечжона изобрели алфавит “хангыль”), Ким Юсин, Ли Сунсин. В Корее эти имена неизвестны разве что младенцу. Мы, жители России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркмении и др. стран СНГ, считаем себя одновременно гражданами этих стран и корейцами. Оставаясь патриотами этих государств, мы не забываем, кто мы есть, свои корни, уходящие в далекое прошлое, в глубину веков» [Ли 2003].

Писатель Александр Кан в сборнике эссе «Книга белого дня» описывает литературу «корё сарам» и особое внимание уделяет творчеству Романа Кима. Уже сам факт обращения к творчеству Кима примечателен – биография писателя показывает, что Роман Ким не был тесно связан с корейской диаспорой. Г. Н. Ким в своем обзоре литературы советских корейцев также упоминает Романа Кима как первого русскоязычного корейского писателя [Ким 2013: 450]. Однако А. Кан достаточно категоричен в своей оценке писателя-соотечественника: «...ни одно из его произведений не имеет никакого отношения к корейскому миропониманию и вообще к понятию серьезной литературы» [Кан 2010]. По мнению писателя, образы разведчиков в творчестве Романа Кима, вынужденных жить призрачной жизнью, можно рассматривать в качестве метафоры корейцев в иноэтнической среде: «русские, евразийские корейцы как вечные призраки» [Кан 2010]. На наш взгляд, подобное сравнение является спорным. В системе персонажей и художественном пространстве Романа Кима образы разведчиков оказываются практически не связаны с образами Кореи и корейцев. В упомянутом нами романе «По прочтении сжечь» подозрения, что корейцы связаны с советской разведкой, оказываются мнимыми. Тем не менее размышления Александра Кана о связи образов разведчиков с судьбой потомков корейских эмигрантов как вечных призраков представляются важными для понимания проблемы культурной идентичности русскоязычной корейской эмиграции. Одна из осо-

бенностей жанра шпионского романа, состоящая в воплощении «тревоги, вызванной сомнениями в надежности и устойчивости реальности» [Болтански 2019: 216], коррелирует с эмигрантской проблематикой, развивающей свою идентичность исходя из пограничного положения: «граница становится тем местом, откуда нечто начинает свое присутствие, стремясь в область “за пределами”» [Бхабха 2005: 165].

Таким образом, фоновая национальная идентичность Р. Кима проявляется в произведениях разных жанров: от публицистики до шпионских романов. Исследование массовой литературы позволяет проследить прямо не проговоренные, но принципиально значимые для автора этнокультурные приоритеты.

Список литературы

Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 502 с.

Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. Минск, 2005. № 3–4. С. 161–192.

Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. URL: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 16.01.2020).

Кан А. Книга белого дня. Ташкент, 2010. URL: <https://koryo-saram.ru/kan-aleksandr-kniga-belogo-dnya-literatura-korejtsev-s-n-g-v-poiskah-utrachennoj-identichnosti/> (дата обращения: 14.01.2020).

Ким Г. Н. Этапы развития художественной литературы корейцев СССР и СНГ // Избранные труды по корееведению. Тараз-Алматы: ЖИЦ Сенім, 2013. С. 449–453.

Ким Е. У. Роман Николаевич Ким – видный советский исследователь Восточной Азии и писатель. Научная конференция в ИДВ РАН, посвященная его творчеству // Японские исследования. 2016. № 2. С. 82–92.

Ким Р. Ноги к змее (Глоссы) // Б. Пильняк. Корни японского солнца. Р. Ким. Ноги к змее. Л.: Прибой, 1927. С. 131–184.

Ким Р. Три дома напротив соседних два (Описание литературной Японии). М.: Сов. лит., 1934. 97 с.

Ким Р. Н. По прочтении сжечь: повести. М.: Вече, 2016. 480 с.

Ким Р. Н. Тайна ультиматума. Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1969. 320 с.

Куланов А. Е. Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016. 414 с.

Ли Г. Н. Обычаи и обряды корейцев России и СНГ. М.: РАЕН, 2003. URL: http://world.lib.ru/k/-kim_o_i/a11.shtml (дата обращения: 14.01.2020).

Семёнов Ю. Пароль не нужен // Смена. 1967. № 969. С. 18–19.

Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.

Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 308 с.

김홍중. “세 이야기들”은 어떻게 다시 쓰였는가?: 로만 김 추리 문학의 기원과 특징 // 슬라브학보. 2015. № 30 (4). P. 135–162. *Kim Хон-джун*. Как были переписаны «Три рассказа»? Источники и особенности шпионской прозы Романа Кима // Славянский журнал. 2015. № 30(4). С. 135–162.

References

Boltanski L. *Tayny i zagovory. Po sledam rassledovaniy* [Mysteries and conspiracies: Detective stories, spy novels and the making of modern societies]. St. Petersburg, EUSP Press, 2019. 502 p. (In Russ.)

Bhabha H. Mestonakhozhdenie kul'tury [The location of culture]. *Perekrestki. Zhurnal issledovaniy vostochnoevropeyskogo pogranich'ya* [Crossroads. The Journal of the East European Frontier Research], 2005, issue 3–4, pp. 161–192. (In Russ.)

Cawelti J. G. Izuchenie literaturnykh formul [The Concept of Formula in the Study of Popular Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, issue 22. Available at: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (accessed 16.01.2020). (In Russ.)

Kan A. *Kniga belogo dnya* [The book of the white day]. Tashkent, 2010. Available at: <https://koryo-saram.ru/kan-aleksandr-kniga-belogo-dnya-literatura-korejsev-s-n-g-v-poiskah-utrachennoj-identichnosti/> (accessed 14.01.2020). (In Russ.)

Kim G. N. Etapy razvitiya khudozhestvennoy literatury koreytsev SSSR i SNG [Fiction by the Koreans of the USSR and the CIS: development stages]. *Izbrannye trudy po koreevedeniyu* [Selected works on Korean studies]. Taraz-Almaty, ZhITs Senim Publ., 2013, pp. 449–453. (In Russ.)

Kim E. U. Roman Nikolaevich Kim – vidnyy sovetskiy issledovatel' Vostochnoy Azii i pisatel'. Nauchnaya konferentsiya v IDV RAN, posvyash-

chennaya ego tvorchestvu [Roman N. Kim – a prominent Soviet East Asia studies researcher and writer. Scientific conference dedicated to the scholar's work for the IFES RAS]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies In Russia], 2016, issue 2. pp. 82–92. (In Russ.)

Kim R. *Nogi k zmee* (Glossy) [Legs to a snake (Glosses)]. *B. Pil'nyak. Kornii yaponskogo solntsa*. R. Kim. *Nogi k zmee* [B. Pilnyak. The roots of the Japanese Sun. R. Kim. Legs to a snake]. Leningrad, Priboy Publ., 1927, pp. 131–184. (In Russ.)

Kim R. *Tri doma naprotiv sosednikh dva* (*Opisanie literaturnoy Yaponii*) [Three houses across from the other two (Essay on literary Japan)]. Moscow, Sovetskaya literatura Publ., 1934. 97 p. (In Russ.)

Kim R. N. *Po prochtenii szhech': povesti* [Burn after reading: novellas]. Moscow, Veche Publ., 2016. 480 p. (In Russ.)

Kim R. N. *Tayna ul'timatuma. Povesti i rasskazy* [The mystery of ultimatum. Novellas and short stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969. 320 p. (In Russ.)

Kulanov A. E. *Roman Kim* [Roman Kim]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 414 p. (In Russ.)

Li G. N. *Obychai i obryady koreytsev Rossii i SNG* [Traditions and rites of the Koreans of Russia and the CIS]. Moscow, Russian Academy of Natural Sciences Publ., 2003. Available at: http://world-lib.ru/k/kim_o_i/a11.shtml (accessed 14.01.2020). (In Russ.)

Semenov Yu. Parol' ne nuzhen [No password needed]. *Smena*, 1967, issue 969, pp. 18–19. (In Russ.)

Simbirseva T. M. *Vladyki staroy Korei* [The rulers of old Korea]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 640 p. (In Russ.)

Chernyak M. A. *Fenomen massovoy literatury 20 veka* [The phenomenon of mass literature of the 20th century]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2005. 308 p. (In Russ.)

Kim Hongjung. ‘Se iyagideul’ eun eotteohge dasi sseojyeossneunga?: Loman Gim chuli munhag-ui giwongwa teugjing [How was ‘Three Stories’ rewritten?: The sources and features of Roman Kim's spy fiction]. *Seullabeuhagbo* [Slavic Journal], 2015, issue 30 (4). pp. 135–162. (In Kor.)

WORKS BY ROMAN KIM: ETHNOCULTURAL REALITIES IN SOVIET FICTION

Ekaterina A. Kliuikova

Senior Lecturer in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nese91@gmail.com

SPIN-code: 4331-0254

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0650-9126>

ResearcherID: C-4818-2019

Elena M. Chetina

Associate Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. chetina@mail.ru

SPIN-code: 5514-0650

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

ResearcherID: C-5309-2019

Submitted 19.01.2020

The article is concerned with the works by the Soviet writer and East Asian studies scholar Roman Kim (1899–1967). He is well known as an author of spy fiction. The article follows the literary history of Roman Kim. Being a Russian-language descendant of Korean emigrants, he wrote about rivalry between international intelligence services on polycultural territories. First published works by R. Kim were non-fictional. He became a commentator of the book *The Roots of the Japanese Sun* by B. Pilniak and also published his analysis of the contemporary Japanese literature in the lampoon *Three Houses across from the Other Two*. R. Kim criticized Japanese ‘ego’-fiction of the early 20th century because literary ‘masters’ and their apprentices did not notice significant events in Japan and in the world and did not bring up social issues. Kim’s literary work demonstrates that the civic position of the characters in literature is essential for him.

In the 1950s and 1960s, Roman Kim’s fiction has an intriguing plot and distinctness of a storyline. The structure of his novellas is usually built on ideological oppositions: the USA and the USSR, North and South Korea, Japan and communist China. The writer creates images of Korea and Koreans with historical retrospections and ethnocultural details. Korea in general is shown as a space of competition between the modern empires. Kim underlines ethnocultural particularity of most of the characters. The specificity of his fiction is based on the rationalistic principle, which also determines the unambiguity of the characters. Such a feature of the characters and the storyline is fairly typical of formula literature. Roman Kim also depicts spies like ghosts in his novellas. The authors of the article interpret that as reflection of the hybrid identity of Korean diaspora in the Soviet Union.

Key words: Roman Kim; spy novel; Soviet literature; Japanese culture; ethnocultural specificity; images of Korea.